

УДК 281.93(470.43)

doi:10.21685/2072-3024-2022-4-4

Самарская епархия Русской православной церкви в 1917–1941 гг.

В. Н. Якунин

Московский художественно-промышленный институт, Москва, Россия

vadyak@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Аресты и расстрелы духовенства и верующих, расколы и внутрицерковные настроения, массовое закрытие церквей – все эти мероприятия, проводимые советской властью после 1917 г., болезненно отразились как на Православной церкви в Самарской епархии, так и на духовенстве и верующих и оказали влияние на ее последующее развитие в атеистическом государстве. Цель работы – исследовать положение и деятельность Самарской епархии Русской православной церкви (РПЦ) в 1917–1941 гг., выявить характер изменений организационной структуры в епархии. *Материалы и методы.* Корпус источников по изучению положения и деятельности РПЦ в 1917–1941 гг. сформировали документация Центрального государственного архива Самарской области, газет «Коммуна» и «Волжская коммуна», «Журнал Московской Патриархии» за 1931–1935 гг. Методология исследования построена на принципах историзма, объективности, системного подхода к рассмотрению вопроса о роли РПЦ в жизни советского общества. Методологический потенциал включает: сравнительно-исторический метод, применение которого позволяет сопоставить характер изменений организационной структуры в епархии дореволюционного и рассматриваемого нами периода; статистический метод, значимость которого очевидна для анализа данных, связанных с изменением количества храмов и численности духовенства в 1917–1941 гг. *Результаты.* Октябрьская революция коренным образом изменила церковную и религиозную жизнь Самарской епархии на семь с лишним десятилетий. Последствия революции так больно ударили по Церкви отчасти потому, что она была государственным институтом, ассоциировалась с государством и его политикой, а когда прежний государственный строй был сметен, вместе с ним сметенной оказалась и Церковь. Таким образом, государственная Церковь стала своеобразной заложницей свергнутого революцией строя. Второй причиной непримиримой антирелигиозной политики новой власти была ее атеистическая идеология. И, наконец, советская власть не преминула воспользоваться сложившимися обстоятельствами, чтобы национализировать церковное имущество и собственность. В результате из более чем 1000 церквей, действовавших в Самарской губернии до революции, к 1938 г. функционировали лишь 3 храма. Особое внимание в исследовании уделено деятельности правящих архиереев, духовенства, верующих по сохранению епархии в годы революционных и послереволюционных гонений на РПЦ. *Выводы.* Аресты и расстрелы духовенства, расколы и внутрицерковные настроения, массовое закрытие церквей – все эти мероприятия, проводимые властью, очень болезненно отразились на Православной церкви, всех верующих, но не смогли достичь главной цели атеистов – православный народ в большинстве своем не отказался от веры, сохранил и сберег ее. За 20 послереволюционных лет Русская православная церковь в Самарской губернии была поставлена на грань уничтожения: были закрыты почти все храмы, все монастыри, духовенство уничтожено либо репрессировано, а его оставшаяся часть была вынуждена бродяжничать, просить милостыню, заниматься нелегальным совершением треб и различными подработками, подчас унижительными. Сама Церковь оказалась разделена, в Самарской епархии наиболее тяжелые

© Якунин В. Н., 2022. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License / This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

последствия для религиозной жизни причинил обновленческий раскол, поддержанный властью. Сами верующие подвергались насмешкам, унижениям, издевательствам, в советской России они неофициально считались людьми второго сорта, в силу своей «ограниченности» не желавшими отречься от религиозных взглядов. Отчаявшись уничтожить «религиозные предрассудки» и столкнувшись с проблемой каткомбной церкви, которую было сложно контролировать, власть с началом Великой Отечественной войны «разрешила» Церковь, оставив за ней свой контроль.

Ключевые слова: Самарская епархия, храмы, церкви, монастыри, духовенство, епископы, архиерейская кафедра, молебны, духовность

Для цитирования: Якунин В. Н. Самарская епархия Русской православной церкви в 1917–1941 гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2022. № 4. С. 62–78. doi:10.21685/2072-3024-2022-4-4

Samara diocese of the Russian orthodox church in 1917–1941

V.N. Yakunin

Moscow Institute of Art and Industry, Moscow, Russia

vadyak@mail.ru

Abstract. *Background.* Arrests and executions of the clergy and believers, schisms and intra-church disorders, mass closing of churches – all these measures carried out by the Soviet government after 1917, painfully affected both the Orthodox Church in the Samara diocese, and the clergy and believers and influenced its subsequent development in an atheistic state. The purpose of the article is to investigate the situation and activities of the Samara diocese of the Russian Orthodox Church (ROC) in 1917–1941, to identify the nature of changes in the organizational structure in the diocese. *Materials and methods.* Corpus of sources on the study of the position and activities of the Russian Orthodox Church in 1917–1941, formed the documentation of the Central State Archive of the Samara Region, the newspapers “Kommuna” and “Volzhskaya komunna”, “Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii” for 1931–1935. The research methodology is based on the principles of historicism, objectivity, and a systematic approach to considering the role of the Russian Orthodox Church in the life of Soviet society. The methodological potential includes: a comparative-historical method, the application of which allows us to compare the nature of changes in the organizational structure in the diocese of the pre-revolutionary period and the period we are considering; statistical method, the significance of which is obvious for the analysis of data related to changes in the number of churches and the number of clergy in 1917–1941. *Results.* The October Revolution radically changed the church and religious life of the Samara diocese for more than seven decades. The consequences of the revolution hit the Church so painfully partly because it was a state institution, associated with the state and its policies, and when the former state system was swept away, the Church was swept away with it. Thus, the state Church became a kind of hostage to the system overthrown by the revolution. The second reason for the irreconcilable anti-religious policy of the new government was its atheistic ideology. And, finally, the Soviet government did not fail to take advantage of the circumstances to nationalize church property and property. As a result, out of more than 1000 churches that operated in the Samara province before the revolution, by 1938 only 3 churches were functioning. Particular attention in the article is paid to the activities of the ruling bishops, clergy, believers to preserve the diocese during the years of revolutionary and post-revolutionary persecution of the Russian Orthodox Church. *Conclusions.* Arrests and executions of the clergy, schisms and intra-church disturbances, mass closure of churches – all these measures taken by the authorities had a very painful effect on the Orthodox Church, all believers, but could not achieve the main goal of atheists – the Orthodox

people, for the most part, did not renounce the faith, preserved and saved her. For 20 post-revolutionary years, the Russian Orthodox Church in the Samara province was brought to the brink of destruction: almost all churches, all monasteries were closed, the clergy were destroyed or repressed, and its remaining part was forced to wander, beg for alms, engage in illegal fulfillment of trebs and various part-time jobs, sometimes humiliating. The Church itself was divided; in the Samara diocese, the Renovationist schism, supported by the authorities, caused the most severe consequences for religious life. The believers themselves were subjected to ridicule, humiliation, bullying, in Soviet Russia they were unofficially considered second-class people, due to their “limitedness” who did not want to renounce their religious views. Desperate to destroy “religious prejudices” and faced with the problem of the catacomb church, which was difficult to control, the authorities, with the outbreak of the Great Patriotic War, “permitted” the Church, leaving their control to it.

Keywords: Samara diocese, temples, churches, monasteries, clergy, bishops, episcopal chair, prayer services, spirituality

For citation: Yakunin V.N. Samara diocese of the Russian orthodox church in 1917–1941. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2022;(4):62–78. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3024-2022-4-4

К 1917 г. Самарская епархия была на пике своего расцвета: количество православных храмов превышало 1000, почти при каждом из них имелась церковно-приходская школа, где можно было получить начальное образование. Для подготовки кадров духовенства была открыта духовная семинария [1, с. 255–266, 269–271]. Во всех учебных заведениях велось изучение Закона Божьего, церковной истории, в том числе родного края [2, с. 14].

Сложившаяся стройная система по управлению епархией опиралась на мощный финансово-экономический фундамент. Церквям и монастырям принадлежали земельная собственность, недвижимость, денежные вклады в банках. Само духовенство было обеспеченным сословием: помимо казенного жалования, которое получало большинство причтов епархии, священнослужители имели доход от церковных треб. Лишь в бедных деревнях материальное положение духовенства оставляло желать лучшего.

Церковь с самого начала Октябрьской революции 1917 г. стала идеологическим противником новой власти, она не могла равнодушно взирать на то, как эта власть воплощает свои идеи в жизнь.

По январскому декрету 1918 г. «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви» Русская православная церковь теряла свой прежний привилегированный статус. Церковь лишалась права владеть собственностью. Приходы и монастыри были лишены прав юридического лица. Церковные здания и находящееся в них имущество объявлялись народным достоянием.

В результате в Самарской епархии, как и по всей России, церковная собственность, здания, земли, денежные вклады, даже предметы богослужебного обихода и иконы, представлявшие какую-либо ценность, были национализированы. Духовенство и церковнослужители стали «классово чуждым элементом», отношение к ним было как к врагам новой власти со всеми вытекающими последствиями: расстрелами, арестами, ссылками. Места в новом обществе для них не находилось. Отдельные представители Церкви пытались приспособиться, и первое время не безуспешно, однако впоследствии они оказались преданы той же властию.

События осени 1917 г. и последовавшая после них секуляризационная политика советов поставили Церковь перед необходимостью в кратчайший срок произвести значительные изменения в структуре управления и в видах деятельности, сообразно с новым законодательством о религиозных сообществах и постановлениями Поместного Собора. В них рекомендовалось при храмах организовывать союзы прихожан и богомольцев, которые должны защищать святыни и церковное достояние от посягательств. На уровне Самары это выразилось в создании новых структур. Так, в 1917–1918 гг. в Самаре были созданы новые епархиальные (епархиальный совет и епархиальное собрание) и приходские (приходские советы, а в масштабах города – совет советов православных общин Самары) управленческие структуры. 4 января 1918 г. был создан губернский комиссариат по вероисповедным делам, осенью того же года переименованный в Самарскую губернскую комиссию по отделению Церкви от государства. Без санкции этого органа никто не имел права распоряжаться церковным и монастырским имуществом, он имел право выдавать разрешения на проведение собраний религиозного характера (в том числе приходских) и на совершение крестных ходов. В ходе проведения в жизнь декрета СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» в феврале 1918 г. комиссариат по вероисповедным делам начал принимать на учет церковное имущество. Банки прекратили выдачу денежных сумм духовенству, все счета церковных организаций были закрыты. Большая часть строений и все земли, принадлежавшие Церкви, переходили к советским учреждениям, конфисковалось церковное имущество [3, с. 117–118]. С января 1918 г. начался процесс закрытия монастырей и церквей (в первую очередь домовых).

22 января 1918 г. в кафедральном соборе состоялось общегородское собрание духовенства и приходских советов, на котором было решено 28 января устроить крестный ход в защиту Церкви и ее святынь от поругания. Планировалось напечатать несколько тысяч экземпляров воззвания к верующим (в том числе к воинам) с призывом принять участие в крестном ходе, подготовившись к нему в период 3-дневного поста, однако воззвание не было напечатано из-за противодействия властей. Тем не менее 28 января в Самаре состоялся общегородской крестный ход, в котором приняли участие около 35–40 тыс. чел. [4, с. 113–117]. Крестные ходы прошли и в других городах губернии. 25 февраля, в день празднования памяти митрополита святителя Алексия, настоятель Спасо-Вознесенского собора г. Бугуруслана священномученик Константин Сухов возглавил крестный ход, который после обычного обхода храма направился к зданию местного совета. Перед зданием совета духовенство и верующие в своих выступлениях высказались против грабежа церквей и поругания мощей [5, с. 123–124].

8 июня того же года в ходе гражданской войны Самару заняли части Чехословацкого корпуса, власть в городе перешла к комитету членов Учредительного собрания (Комуч). Последнее отменило все декреты советской власти, Церкви были возвращены захваченные здания, церковные суммы, документы и другое имущество. 7 октября в губернии вновь была установлена советская власть, епископ Михаил (Богданов) вместе с отступавшими на восток антибольшевистскими войсками покинул Самару. Начались репрессии в отношении духовенства: в том же месяце без суда и следствия

были убиты протоиерей Сергей Николаевский (в с. Борском) и священномученик Константин Сухов (в Бугуруслане) [6; 7, с. 40–48]. Священник Троицкого храма г. Ставрополя Владимир Троицкий был утоплен в р. Воложке в марте 1919 г.

Расправы шли и на волжском правобережье, которое ныне входит в состав современной Самарской области. Так, в марте 1919 г. был расстрелян священник Николай Покровский, долгое время служивший в селе Кашпирский монастырь под Сызранью и ныне прославленный РПЦ как священномученик [8, с. 18].

7 ноября 1918 г. полусамостоятельное Уральское викариатство Самарской епархии было преобразовано в самостоятельную Уральскую епархию в составе Уральской области, а также Николаевского и Новоузенского уездов Самарской губернии [9, с. 522].

В ноябре – декабре 1918 г. Самарской губернской комиссией по отделению церкви от государства было изъято церковных капиталов (в основном в Самаре) на сумму 845 733 р. Закрытие монастырей и храмов, уничтожение икон, богослужебных предметов, церковных архивов, библиотек повсеместно сопровождалось оскорблением религиозных чувств верующих. Единственным учреждением губернии, пытавшимся спасти церковные памятники истории и культуры, являлось общество археологии, истории и этнографии при Самарском университете под руководством академика В. Н. Перетца. Священно- и церковнослужителей «уплотняли», а затем выселяли из бывших причтовых домов как «нетрудовые элементы» [10, с. 72, 82–92].

В 1918–1920 гг. имущество монастырей было национализировано. Однако некоторое время монашествующие продолжали жить на прежних местах по монастырскому уставу, нередко они «реорганизовывали» обители в трудовые артели и общины [11, с. 26–28].

13 мая 1919 г. Филарет (Никольский) был назначен архиепископом Самарским и Ставропольским, весной 1921 г. он был арестован, в том же году скончался в ссылке.

21 сентября 1920 г. епархиальный совет был закрыт начальником губернии [3, с. 119]. Губернский отдел юстиции законных оснований к ликвидации епархиального совета не нашел и постановил вновь открыть его, возвратив совету дела, имущество и суммы. Однако открытие епархиального совета не состоялось [10, с. 94–95].

В 1921 г. Самарская губерния оказалась в эпицентре голода, который привел к массовой гибели людей. 26 августа на общем собрании членов приходских общин был образован епархиальный Комитет помощи голодающим под председательством временно управлявшего Самарской епархией Бузулукского епископа Павла (Гальковского). На 1-м заседании комитета было решено приступить к сбору средств для оказания помощи голодавшим. Верующие решили открыть на собранные средства столовые, но по разным причинам им пришлось передать их Губкомпомголу. В распоряжение епархиального комитета поступило около 20 млн руб. Вскоре члены епархиального Комитета помощи голодающим во главе с епископом Павлом (Гальковским) были арестованы. На собранные комитетом средства был наложен арест [3, с. 119–121]. Епископ Павел находился под арестом 2 недели. Протоиереи П. М. Архангельский и А. Ф. Бечин, протоиерей В. С. Горбунов

в конце декабря 1921 г. были осуждены за участие в работе епархиального Комитета помощи голодающим на сроки от 6 месяцев до года. 1 декабря 1921 г. епископ Павел обратился в Самарский губисполком с просьбой разрешить деятельность епархиального комитета помощи голодающим. Однако власти решили этот комитет закрыть, а собранные денежные средства сдать в губфинотдел [12, л. 181–182].

В статьях, опубликованных в газете «Коммуна» с конца февраля до конца апреля 1922 г., писали о возможности и необходимости изъятия церковных ценностей [13–16]. 23 февраля 1922 г. в совершенно секретной телеграмме Л. Д. Троцкий предлагал властям Самарской, Симбирской и Нижегородской губерний «в кратчайший срок» организовать и отправить в Москву делегации «по возможности из крестьян и рабочих, солидных, не очень молодых», которые «от имени голодающих» должны были выдвинуть требование об «обращении излишних церковных ценностей на помощь голодающим» [17, с. 19]. 12 марта 1922 г. Комиссия по изъятию ценностей по Московской губернии решила провести с 19 марта «агитационную неделю» в Московской губернии по вопросу изъятия церковных ценностей, для чего, в частности, предлагалось прислать из Самарской и других пострадавших от голода губерний делегацию крестьян, «стоящих на точке зрения изъятия ценностей» [17, с. 45, 48].

28 февраля 1922 г. на Самарскую архиерейскую кафедру был назначен епископ, священномученик Анатолий (Грисюк). Вскоре после назначения к нему обратился патриарх Московский и всея России святитель Тихон (Беллавин) с письмом о распределении помощи голодавшим епархиям. Самарский губисполком 1 марта 1922 г. принял постановление о создании губернской Комиссии по изъятию церковных ценностей. Кампания проходила по всей губернии с марта по июнь 1922 г. Изъятие в Самаре проводили 36 человек – уполномоченных представителей губкомиссии. При их участии составлялись описи ценностей церквей; они же изымали ценности и сдавали их в губфинотдел, составляя акты, копии которых оставались в церквях. В помощь им было мобилизовано 34 человека из частей особого назначения. Власти проигнорировали протесты духовенства против изъятия священных предметов, имеющих богослужебное назначение (чаш, дискосов, напрестольных крестов), изъятые отправляли на переплавку [3, с. 119–121]. Изъятие церковных ценностей проходило в Самаре и губернии без волнений. На 1 июня 1922 г. по Самарской губернии было изъято: 3 фунта золота, 170 пудов серебра, 328 бриллиантов, а также другие драгоценности. За реализацию части этих ценностей губерния весной 1922 г. получила 32 вагона зерна [18, с. 81].

Во второй половине июля 1922 г. в Самару прибыл уполномоченный обновленческого Высшего церковного управления (ВЦУ) священник Соловьев, после чего была образована местная группа «Живой церкви» (ее организационное собрание состоялось 30 июля). В группу вошли 12 представителей духовенства. Председателем комитета группы был избран протоиерей Стрельников. 16 августа он стал уполномоченным ВЦУ по Самарской епархии и получил мандат ВЦУ на формирование Самарского епархиального управления (ЕУ). Согласно Сводке VI секретного отдела ГПУ о расколе духовенства за период с 15 июля по 20 августа 1922 г. епископ, священномученик Анатолий (Грисюк) в связи с распространением обновленчества вел

«двойственную политику» [17, с. 328]. 4 сентября 1922 г. под давлением властей и живоцерковников он созвал «согласительную комиссию», которая в резолюции, в частности, постановила признать ВЦУ в качестве «временного церковно-административного органа» до созыва Поместного Собора. В том же месяце епископ, священномученик Анатолий возглавил обновленческое Самарское ЕУ [19, с. 181–182]. В сентябре 1922 г. ВЦУ утвердило его епископом Самарским и Ставропольским, председателем Самарского ЕУ [20, с. 103]. Бузулукский епископ Павел (Гальковский) отказался признавать ВЦУ. В феврале 1923 г. епископ, священномученик Анатолий принес патриарху покаяние в уклонении в обновленчество, 24 февраля того же года он был арестован, 4 августа освобожден, в сентябре 1923 г. возведен в сан архиепископа [9, с. 257, 433–434; 20, с. 103].

После получения в Самаре текста послания патриарха святителя Тихона от 15 июля 1923 г. Самарское ЕУ прервало связь с обновленческим Синодом. Протоиерей Стрельников сложил полномочия, 27 сентября раскольничий Синод назначил своим уполномоченным протоиерея Сергия Сердобова. Им же было сформировано обновленческое Самарское ЕУ в составе протоиереев М. Алексеева, А. Маллицкого, В. Никифорова, С. Сердобова.

18 сентября 1923 г. епископ, священномученик Анатолий (Грисюк) был вновь арестован и выслан на 3 года в Среднюю Азию. 15 сентября того же года арестован епископ Павел (Гальковский). 22 сентября арестованы кафедральный протоиерей Ксенофонт Архангельский, протоиереи г. Самары Иоанн Колесников, Александр Бечин и Аркадий Ключарев, священники Иоанн Голубев и Ильинский. Таким образом, обновленцы, пользуясь негласным покровительством властей, с помощью последних добились удаления из епархии всех православных архиереев. В информационной сводке VI отделения Секретного отдела ОГПУ «О состоянии православных церковников по С. С. С. Р. на 1 января 1924 г.» отмечалось, что «ввиду удаления из Самары видных тихоновцев» местные обновленцы «приступили к более оживленной работе и к сбору своих распыленных сил»; новый состав Самарского ЕУ начал выполнять директивы раскольничьего Синода, в некоторых уездах были утверждены уполномоченные. Однако «работа обновленческого движения» в уездах (за исключением Мелекесского) двигалась медленно [17, с. 384].

Обновленческой Самарской (с 1935 г. Куйбышевской) епархией управляли: епископ, священномученик Анатолий (Грисюк; сентября 1922 – февраля 1923), Бугурусланский епископ, священномученик Алексей (Орлов; 1 октября 1923 – 12 февраля 1924, в. у.), епископ Александр Анисимов (12 февраля – 25 ноября 1924, 10 декабря 1924 – февраль 1925, 14 мая 1925 – 30 марта 1932, с 1924 архиепископ, с ноября 1928 митрополит), архиепископ Петр Сергеев (февраль – 4 марта 1925), архиепископ Василий Виноградов (30 марта 1932 – 22 сентября 1937 (дата ареста; уволен за штат 6 октября 1937, с 1933 митрополит)). В 1928–1935 гг. обновленческая Самарская епархия входила в состав раскольничьей Средневолжской митрополии с центром в Самаре, а в 1935–1937 гг. относилась в Куйбышевской митрополии [9, с. 257–258; 20, с. 599, 602, 651].

С приездом в Самару осенью 1924 г. Мелитопольского епископа, священномученика Сергия (Зверева), которому было вверено временное управление Самарской епархией, началось массовое возвращение обновленческих

общин в каноническую Церковь. Если в 1925 г. Самарская обновленческая епархия насчитывала в своем ведении 190 храмов, 2 епископов, 164 священника, 45 диаконов, то к лету 1926 г. подавляющее большинство приходов оказались в юрисдикции канонической Церкви. Количество обновленческих приходов в Самарской епархии на 1 января 1927 г. составляло 7,6 % от общего числа приходов [20, с. 64]. В 1930 г. количество обновленческих общин исчислялось единицами: 2–3 прихода в Самаре, 3 – на территории Самарского округа. Митрополит Александр Анисимов обращался к властям с просьбой оказать содействие в изъятии ряда храмов в селах в пользу обновленцев.

В 1930 г. по распоряжению Самарского горсовета Покровская церковь была передана общине обновленцев, в нее перевезли имущество кафедрального собора [21]. За время существования обновленческой Самарской (Куйбышевской) епархии раскольники с разрешения властей получили в Самаре (Куйбышеве) в свое ведение кафедральный собор и 4 храма. Он не был закрыт официально, не опечатан, доступ туда был. Именно в нем на Пасху 1938 г. стал служить Питирим Свиридов.

В начале 1926 г. временно управлявший Самарской епархией епископ, священномученик Сергей (Зверев) присоединился к Временному высшему церковному совету (ВВЦС), коллегиальному органу григорианского раскола, 12 апреля того же года он был арестован [20, с. 27, 478, 514]. После опубликования «Декларации» 1927 г. заместителя патриаршего местоблюстителя митрополита Сергея (Страгородского) и Временного патриаршего Священного Синода община самарской Скорбященской церкви присоединилась к ВВЦС [20, с. 64]. С 1928 г. временно управляющим григорианской Самарской епархией был Орловский епископ Анатолий (Кванин; до революции настоятель самарского Николаевского мужского монастыря). 5 августа 1928 г. под его руководством состоялось 1-е заседание григорианского Временного Самарского епархиального совета, на котором были намечены сроки созыва областного съезда. К этому времени в Самаре ВВЦС признавали Скорбященская, Воскресенская (бывшая монастырская), Казанская и Благовещенская церкви [20, с. 77]. 10–11 декабря в Благовещенской церкви Самары под руководством председателя ВВЦС митрополита Григория (Яцковского) состоялся 1-й съезд духовенства и мирян епархий, входивших в Средневолжскую область. На съезде присутствовали 249 делегатов (27 клириков и 222 мирянина) от Самарской, Ульяновской, Пензенской и Оренбургской григорианских епархий. Съезд избрал Самарский епархиальный совет под председательством протоиерея, священномученика Александра Органова; епархиальному совету было поручено исполнять обязанности Самарского временного областного совета. Выборы областного митрополита было решено отложить до следующего съезда, запланированного на 14–15 мая 1929 г. (очевидно, не состоялся из-за ужесточения государственной антирелигиозной политики) [20, с. 77–78, 335–339]. В декабре 1928 г. в Москве на пленуме ВВЦС были образованы новые митрополии, в том числе Самарская в составе Самарской, Ульяновской, Пензенской и Оренбургской епархий. Временно управляющим митрополией стал епископ Анатолий (Кванин) [20, с. 81–82]. Не позднее 16 декабря 1929 г. Орловский епископ Анатолий (Кванин) был освобожден от временного управления Самарской епархией и митрополией в связи с малым

количеством приходов и невозможностью содержать Самарский областной совет. В Самаре к юрисдикции ВВЦС относились Благовещенская, Скорбященская и Никольская (бывшая монастырская) церкви. В связи с их закрытием в начале 1930 г. григорианам передали изъятую у канонической Церкви Илиинскую церковь, а немного позднее – изъятую у обновленцев Петропавловскую церковь. Вскоре григорианские общины были переподчинены Ульяновскому митрополиту Иоанникию (Соколовскому) [20, с. 90].

На 1 мая 1926 г. губбюро Союза безбожников (с 1929 Союз воинствующих безбожников (СВБ)) объединяло в Самаре и губернии 42 ячейки с 1300 членами, 400 кандидатами (до 18 лет). За 2 года работы эта организация выросла до 3 тыс. чел. В Николаевском районе Сызранского округа сельсовет требовал у священника разрешение СВБ на проведение службы в церкви [22, с. 108]. Несмотря на массированную антирелигиозную пропаганду, в Самаре отмечалось увеличение численности крестившихся: в 1924 г. таковых было 73,6 %, а в 1927 г. – 79,3 %. За тот же период практически не изменилось число погребенных по религиозным обрядам – 65,1 %. Количество венчавшихся уменьшилось с 42,3 % в 1924 г. до 32,1 % в 1926 г. Результаты анкетирования в 18 самарских школах показали, что в школах 1-й ступени до 45 % учеников верили в Бога, молились и ходили в церковь, а в некоторых школах 2-й ступени верующих было до 50 % учеников. Население Самарской губернии потратило в 1926 г. на Церковь 3 800 208 р. (приведено без конфессионального разделения и указания методики подсчета суммы) [23, с. 14].

По окончании срока ссылки в марте 1927 г. архиепископ, священномученик Анатолий (Грисюк) вернулся в Самару. В том же году в городе появились «непоминающие» протоиереи К. Архангельский и И. Голубев и их последователи. Архиепископ, священномученик Анатолий в беседе с протоиереем К. Архангельским безрезультатно пытался доказать, что «отход» от митрополита Сергия (Страгородского) «ставит под удар Церковь и верующих» [24, с. 147]. Викарный Бузулукский епископ Сергей (Никольский) вышел из подчинения митрополита Сергию (Страгородскому) после издания последним «Декларации» 1927 г. 1 июня 1928 г. архиепископ, священномученик Анатолий был переведен на Одесскую кафедру. После этого Самарской епархией временно управлял Бузулукский епископ Сергей [24, с. 147; 25, с. 57]. По данным М. В. Шкаровского, в это время только 2 самарских прихода признавали «Декларацию» (Илиинской и Вознесенской церквей), остальные приходы выступили против нее [24, с. 147]. 22 июня 1928 г. епископ Сергей (Никольский) был арестован. Самарская Петропавловская церковь перешла в ведение обновленцев, а ее настоятель протоиерей Григорий Яиров и священник, священномученик Василий Витевский 11 декабря 1928 г. были арестованы [24, с. 148].

Иосифлянская община в Самаре возникла после посещения города мучеником Михаилом Новоселовым в октябре 1927 г. В конце того же года представители общины ездили в Ленинград, где встретились с епископом Димитрием (Любимовым) и протоиереем Ф. К. Андреевым. В декабре того же года епископ Димитрий на время прислал в Самару иеромонаха Никострата (Лаврешева (Лаврешова)), который служил тайно. В дальнейшем представители самарской общины иосифлян неоднократно посещали Ленинград для встреч с лидерами движения. В марте 1929 г. иеромонах Никострат

снова посетил Самару для окормления местных иосифлян и тайного служения в домашних церквах. В апреле того же года его сменил священник Николай Модестов [24, с. 148–149]. Самарская единоверческая церковь в честь Казанской иконы Божией Матери на момент закрытия в январе 1930 г. состояла в иосифлянской юрисдикции. В октябре – ноябре 1931 г. в регионе прошли массовые аресты «непоминающих». Многие из них, отбыв ссылку, вернулись в родные места и были репрессированы в 1937–1938 гг.

С августа 1928 г. Самарскую епархию возглавлял архиепископ, священномученик Александр (Трапицын). Определением заместителя патриаршего местоблюстителя митрополита Сергея (Страгородского) и временного при нем Патриаршего Священного Синода от 27 декабря 1928 г. в соответствии с новым административно-территориальным делением СССР были образованы церковные области. Самарская церковная область совпала с территорией образованной в 1928 г. Средневолжской области (в 1929 г. переименована в Средневолжский край) [26, с. 221]. На 1 июля 1929 г. в Средневолжском крае было 362 религиозных объединения.

Постановлением заместителя патриаршего местоблюстителя митрополита Сергея (Страгородского) и Временного при нем Патриаршего Священного Синода от 19 октября 1932 г. об управлении приходами вдовствовавшей Сызранской епископии Инзенский, Барышский, Кузоватовский, Николаевский и Новоспасский районы были отнесены к ведению Кузнецкого архиерея, а Сызранский, Тереньгульский и Новодевиченский районы оставлены в ведении Самарского областного архиерея [26, с. 143–144].

В 1928 г. кафедральным собором стала Спасо-Преображенская церковь на окраине Самары, единственная оставшаяся в юрисдикции канонической Церкви. В 1933 г. в Самаре православным ненадолго передали Петропавловскую церковь. Архиепископ, священномученик Александр (Трапицын) рукополагал священников из числа грамотных крестьян с целью восполнения кадров клириков, число которых сократилось из-за расколов и репрессий, совершал тайные постриги в монашество. Архиерей поддерживал возвращавшееся из ссылок и тюрем духовенство, помогая им зарегистрироваться и получить разрешение на служение. Заштатным священникам благословлял антиминсы, чтобы они могли тайно служить литургию в домах благочестивых прихожан (один из этих антиминсов, написанный от руки, ныне находится в экспозиции Самарского епархиального церковно-исторического музея). Из-за массовых арестов среди духовенства Самарский архиепископ не исключал возможность ухода Церкви в катакомбы.

В Самаре архиепископ, священномученик Александр совместно с проживавшим в городе архиепископом Петром (Рудневым), архимандритом Палладием (Воробьевым) и несколькими священниками и мирянами создал «подготовительные курсы», на которых учились представители интеллигенции для дальнейшего рукоположения в священный сан. Архиепископ, священномученик Александр собирал слушателей небольшими группами и вместе с другими священнослужителями читал им лекции в объеме семинарского курса.

Активная деятельность архиепископа, священномученика Александра вызвала недовольство обновленцев и поддерживавших их властей. В ОГПУ поступали доносы на владыку и особо активных священников и мирян.

Против архиерея было возбуждено дело, его обвинили в том, что он «обработывал религиозных фанатиков для принятия ими сана попов», а также вел антисоветскую агитацию среди крестьян, «приезжавших к нему из деревни для подыскания попов». 23 августа 1933 г. следствие было завершено, и 29 октября особое совещание при Коллегии ОГПУ приговорило архиепископа, священномученика Александра к 3 годам ссылки. Вернувшись из ссылки в 1936 г., он переехал в Куйбышев, где служил в Петропавловской церкви [27, с. 3–19]. По другим данным, с февраля по июль 1935 г. возглавлял Пугачевское викариатство [28, с. 95], очевидно, после досрочного освобождения из ссылки.

4 октября 1933 г. на Самарскую кафедру был назначен епископ Петр (Руднев), управлявший делами Священного Синода [29, с. 399]. К тому времени в городе остался один православный храм – Петропавловская церковь. Архиерей был зарегистрирован в качестве ее настоятеля.

Согласно «Положению об областных Преосвященных» от 12 марта 1934 г., входящие в Средневолжский край (с 1935 г. Куйбышевский край, с 1936 г. Куйбышевская область) полусамостоятельные епископии было решено преобразовать в самостоятельные епархии, Самарский архиерей получил полномочия областного архиерея [26, с. 218–223]. 9 июля 1934 г. епископ Петр как областной архиерей был возведен в сан архиепископа [26, с. 236]. После переименования Самары в Куйбышев в 1935 г. епархия стала именоваться Куйбышевской и Сызранской. 2 марта 1935 г. во время богослужения архиепископ Петр был арестован. 21 мая на Куйбышевскую кафедру определен архиепископ Ириней (Шульмин).

В конце 20-х – начале 30-х гг. XX в. началось массовое закрытие церквей и окончательное закрытие монашеских общин при формально закрытых ранее монастырях. Для этого инсценировались просьбы трудящихся о закрытии храмов и общин с целью использования церковных помещений под хозяйственные, культурно-просветительские, спортивные, производственные цели: школы, дома культуры, библиотеки, спортзалы, склады, цеха, ссыпные пункты (под зерно), овощехранилища. Рабочие митинги, состоявшиеся 6 января 1930 г. в самарских театрах, вынесли решение ходатайствовать перед горсоветом о закрытии к 1 мая всех церквей Самары [30]. Большинство приходов в селах (почти 80 % приходов Самарской епархии были сельскими) закрывалось в результате высылки духовенства как «кулацкого элемента», объявления церковной двадцатки «неблагонадежной» или «антисоветски настроенной», запугивания верующих и получения таким образом подписей под резолюциями партийных и комсомольских ячеек о закрытии храмов [10, с. 182]. В ряде случаев сельсоветы под различными предложениями отбирали у верующих ключи от церкви, не дожидаясь решения по этим вопросам вышестоящих исполкомов [22, с. 128]. В селах и городах собрания выносили постановления о снятии колоколов с местных церквей для реализации их на нужды народного хозяйства. В некоторых случаях факты снятия колоколов, закрытия церквей и высылки священников вызывали сопротивление верующих [31, с. 40, 74–75].

С конца 1920-х гг., когда был взят курс на сплошную коллективизацию, монастырские артели с их налаженным хозяйством стали для властей раздражителями на фоне маложизнеспособных бедняцких коммун и артелей.

Началась массовая ликвидация монастырских артелей и общин и присвоение их имущества. В результате к началу 1930-х гг. на территории края не осталось ни одной православной монашеской общины [32, с. 16–17].

Всего за период с 1918 по 1938 г. только в Самаре (Куйбышеве) были закрыты, разорены и разрушены 54 православных храма. С 1938 по 1946 г. в городе действовала лишь Покровская церковь. Из более чем 1000 церквей, действовавших в Самарской губернии до революции, к 1938 г. (кроме Куйбышева) действовали 2 храма в сельской местности: в с. Кинель-Черкассы и в Томылове (ныне Кузоватовский район Ульяновской области). Антирелигиозная пропаганда давала эффект преимущественно в городах. В сельской местности молодежь в церковные праздники посещала храмы. На Пасху 1937 г. городские и сельские церкви были переполнены верующими.

В 1937 г. Куйбышевским управлением НКВД был утвержден план, согласно которому православные всех существовавших на тот момент течений, старообрядцы и сектанты были объединены в одну группу – «фашистско-повстанческую церковно-монархическую контрреволюционную организацию». Главой организации объявили Куйбышевского архиепископа Иринея (Шульмина). За всех «действующих лиц» предварительно были составлены показания – их будущие «признания». В октябре – ноябре 1937 г. было арестовано почти все духовенство г. Куйбышева и церковный актив – всего 16 чел. вместе с архиепископом Иринеем (Шульминым) и архиепископом, священномучеником Александром (Трапицыным). Последний был обвинен в том, что «объединил в Куйбышеве всех безместных попов, главным образом прибывших из ссылок», чем создал им «авторитет среди верующих... “страдальцев за веру”, что использовалось для антисоветской повстанческой и контрреволюционной фашистской агитации» Постановлением тройки УНКВД по Куйбышевской области от 21 и 30 декабря 1937 г. 251 чел. из 269 проходивших по делу, в том числе оба архиепископа, были приговорены к высшей мере наказания, остальные 18 чел. – к 10 годам исправительно-трудового лагеря каждый. Впоследствии их посмертно реабилитировали [10, с. 183]. После закрытия всех храмов безместное духовенство организовывало тайные церкви и молитвенные комнаты в землянках, в своих домах и в домах прихожан. Большинство представителей безместного духовенства были репрессированы. Некоторые представители духовенства вследствие репрессий, закрытия храмов, административного нажима, налогового гнета отрекались от сана, многие публиковали известия об этом в прессе [10, с. 149–154]. Безместные священнослужители нередко голодали. За эпизодическое исполнение треб и обрядов, а также проведение богослужений в домах верующих полагалось суровое наказание – вплоть до ареста и расстрела. Архиепископ Иринеи (Шульмин) до своего ареста запрещал представителям безместного духовенства в священнослужении [31, с. 22–24, 132, 139–140, 176].

В 1939 г. был арестован начальник 2-го отдела УНКВД по Куйбышевской области А. М. Углев, руководивший в 1937–1938 гг. «церковным» отделом УНКВД, за «применение извращенных методов ведения следствия, благодаря которым арестовывались ни в чем не повинные граждане». Углев признал, что прибегал к фальсификации следственных материалов и применял физические меры воздействия на арестованных. Никаких данных о наличии контрреволюционной церковной организации среди духовенства не было

и в донесениях осведомителей НКВД. Выяснилось, что обвинения большинства арестованных в 30-х гг. XX в. священнослужителей и мирян были построены только на их «самопризнании» после ареста. Все протоколы допросов были машинописными. Допросы начинались ссылкой на то, что обвиняемым подано заявление о своей преступной деятельности, однако ни одного такого заявления к делу не было приобщено. Такие «признательные» показания обвиняемых были составлены по шаблону, в общих фразах, без отражения конкретных фактов и обстоятельств. В каждом протоколе были приведены десятки имен участников контрреволюционной церковной организации, также без всяких оснований и доказательств. В период доследования в середине 50-х – начале 60-х гг. XX в. были заново проведены допросы всех оставшихся в живых обвиняемых, которые отказались от данных ранее собственных показаний. Каждый из них заявил, что написанные от их имени показания на следствии 1937 г. им не зачитывались, подписывали они их под угрозой либо после пыток. Как правило, протоколы допросов перед тем, как их подписать, свидетели не читали, так как были уверены в том, «что лишнего в них ничего не запишут» [31, с. 118, 226–227].

После ареста архиепископа Ириней (Шульмина) 23 октября 1937 г. в Куйбышевскую епархию более 2 лет не назначали правящего архиерея. В тот же период в Куйбышеве вследствие массовых арестов священнослужителей прекратились богослужения. Весной 1938 г. возобновились богослужения в Покровской церкви. В октябре 1939 г. на место штатного священника этого храма был назначен уволенный на покой с Астраханской кафедры в апреле того же года архиепископ Андрей (Комаров), в начале 1941 г. он стал настоятелем храма [10, с. 187–188]. С конца 1940 г. в доме одного самарского инженера на средства архиепископа Андрея организовывались бесплатные обеды для семей репрессированных церковно- и священнослужителей. 13 июля 1941 г. архиепископ Андрей был арестован, 7 сентября 1941 г. освобожден [28, с. 238–239; 33, с. 92–127]. 12 сентября 1941 г. последовал указ о назначении его правящим архиереем Куйбышевской епархии.

25 декабря 1941 г., несмотря на возражения архиепископа Андрея, иеромонах Питирим (Свиридов; в прошлом настоятель Покровской церкви в сане протоиерея, которого архиепископ Андрей считал человеком, «вредным для Церкви») был хиротонисан во епископа Куйбышевского (1-я архиерейская хиротония в годы Великой Отечественной войны). Хиротонию совершили Киевский митрополит Николай (Ярушевич), архиепископ Андрей (Комаров) и прибывший на несколько дней в Куйбышев Горьковский архиепископ Сергей (Гришин). Назначенный на Саратовскую кафедру архиепископ Андрей еще более полугода оставался в Куйбышеве, поскольку в Саратовской области не было ни одного действующего храма. Покровская церковь стала кафедральным собором Куйбышевской епархии. Управление епископа Питирима было самым кратковременным в истории Самарской (Куйбышевской) епархии и длилось чуть более двух недель, так как он не пользовался авторитетом у верующих [29, с. 456–462; 34, с. 206–230].

Список литературы

1. Кабытов П. С., Артамонова Л. М., Смирнов Ю. Н. [и др.]. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней : в 2 т. 2-е изд., испр. и доп. Самара : Слово, 2020. Т. 2. 480 с.
2. Артамонова Л. М. Церковное краеведение в дореволюционной самарской школе // Двадцать пятые Иоанновские чтения : материалы науч. конф., посвящ. памяти Высокопреосвященнейшего Иоанна, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского. Самара : НТИЦ, 2020. С. 12–24.
3. Блок В., Буданова А. Судьба собора // Духовный собеседник. 1998. № 3. С. 117–118.
4. Самарские епархиальные ведомости. 1918. № 3.
5. Священномученик Константин Сухов. Опыт составления жития на фоне эпохи / сост. Юрий Изъятский. Самара, 2003. С. 123–124.
6. Заступники земли Самарской. Прославление Собора Самарских святых и служба священномученику Константину Сухову. Самара : Самарский Дом печати, 2005. 63 с.
7. Иванова Н. Самарский первомученик // Духовный Собеседник. 2002. № 2. С. 40–48.
8. Артамонова Л. М. Летопись Благовещенской церкви села Кашпирского Монастыря (последняя четверть XIX – первая четверть XX века) как исторический источник // Центр и периферия. 2018. № 2. С. 12–22.
9. Губонин М. Е. История иерархии Русской православной церкви. Комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 г. 2-е изд., испр. и доп. М. : Изд-во ПСТГУ, 2019. 960 с.
10. Подмарицын А. Г. Взаимоотношения Русской Православной церкви и государственных органов в Самарском регионе: 1917–1941 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Самара, 2005. 252 с.
11. Радченко О. И. Судьба самарских монастырей в 1-е десятилетие советской власти // II Иоанновские чтения. Самара, 1997. С. 26–28.
12. Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 130. Оп. 1. Д. 11.
13. Коммуна. 1922. 4 февраля.
14. Коммуна. 1922. 5 февраля.
15. Коммуна. 1922. 7 февраля.
16. Коммуна. 1922. 14 февраля.
17. Архивы Кремля. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. : в 2 кн. / подгот. Н. Н. Покровский, С. Г. Петров. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) ; Новосибирск : Сибирский хронограф, 1998. Кн. 2. 647 с.
18. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: XX век (1918–1998) / Рос. акад. наук ; Самар. науч. центр ; редкол.: П. С. Кабытов, И. Б. Васильев, Э. Л. Дубман, Ю. Н. Смирнов, Л. В. Храмков; ред. кн.: Н. Н. Кабытова, Л. В. Храмков. М. : Наука, 2000. 230 с.
19. Левитин-Краснов А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты : в 3 т. М. : Крутицкое Патриаршее подворье ; Kusanacht : Inst. Glaube in der 2. Welt, 1996. Т. 1–3. 670 с. (Материалы по истории Церкви, кн. 9).
20. Лавринов Валерий, протоиерей. Обновленческий раскол в портретах его деятелей. М. : Общество любителей церковной истории, 2016. 736 с.
21. Волжская коммуна. 1930. 15 января.
22. Подмарицын А. Г. Очерки истории Самарской епархии : учеб. пособие. Самара : Книга, 2008. 151 с.
23. Чистова В. В. Земное и небесное: Православные святые Самарской Луки. Самара, 2005. 160 с.
24. Шкаровский М. В. Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. СПб. : Мемориал, 1999. 399 с.

25. Православное церковное сопротивление в СССР. Биографический справочник 1927–1988 гг. / авт.-сост.: М. В. Шкаровский, Д. П. Анашкин ; отв. ред. М. В. Шкаровский. М. : РОССПЭН, 2013. 287 с.
26. Журнал Московской Патриархии в 1931–1935 годы. М. : Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2001. 272 с.
27. Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним : в 7 кн. М. : Булат, 2001. Кн. 5. 479 с.
28. Мануил (Лемешевский), митрополит. Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 гг. : в 6 ч. Ч. 1. Аввакум (Боровков) – Афанасий (Сахаров). Куйбышев, 1966. 431 с.
29. Мануил (Лемешевский), митрополит. Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 гг. : в 6 ч. Ч. 5. Назарий (Андреев) – Руфим (Троицкий). Куйбышев, 1966. 504 с.
30. Волжская коммуна. 1930. 6 января.
31. Новые мученики и исповедники Самарского края / сост. А. Жоголев. Самара, 1996. 305 с.
32. Радченко О. И. Православные монастыри Самарского края во второй половине XIX–XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Самара, 1997. 19 с.
33. Самуилова Н. Мудрая простота // Духовный Собеседник. 2004. № 3. С. 92–127.
34. Якунин В. Н. Самарская и Новокуйбышевская епархия // Православная энциклопедия : в 67 т. Т. 61. Саватий – Сведенборг. М. : Православная энциклопедия, 2021. С. 206–230.

References

1. Kabytov P.S., Artamonova L.M., Smirnov Yu.N. et al. *Istoriya Samarskogo Povolzh'ya s drevneyshikh времен do nashikh dnei: v 2 t. 2-e izd., ispr. i dop.* = *The history of the Samara Volga region from ancient times to the present day: in 2 volumes. The 2nd edition, revised and supplemented.* Samara: Slovo, 2020;2:480. (In Russ.)
2. Artamonova L.M. Church local history in the pre-revolutionary Samara school. *Dvadsat' pyatye Ioannovskie chteniya: materialy nauch. konf., posvyashch. pamyati Vysokopreosvyashchenneyshego Ioanna, mitropolita Sankt-Peterburgskogo i Ladozhskogo* = *The 25th Ioann readings: proceedings of the scientific conference, commemorating His Eminence John, Metropolitan of St. Petersburg and Ladoga.* Samara: NTTs, 2020;12–24. (In Russ.)
3. Blok V., Budanova A. The fate of the cathedral. *Dukhovnyy sobesednik* = *Spiritual interlocutor*. 1998;(3):117–118. (In Russ.)
4. *Samarskie eparkhial'nye vedomosti* = *Samara Diocesan Bulletin*. 1918;(3). (In Russ.)
5. *Svyashchennomuchenik Konstantin Sukhov. Opyt sostavleniya zhitiya na fone epokhi = Martyr Konstantin Sukhov. The experience of compiling a life against the backdrop of an era.* Compiled by Yuriy Iz'yatskiy. Samara, 2003:123–124. (In Russ.)
6. *Zastupniki zemli Samarskoy. Proslavlenie Sobora Samarskikh svyatykh i sluzhba svyashchennomucheniku Konstantinu Sukhovu* = *Defenders of the land of Samara. Glorification of the Cathedral of Samara Saints and service to Hieromartyr Konstantin Sukhov.* Samara: Samarskiy Dom pečati, 2005:63. (In Russ.)
7. Ivanova N. Samara First Martyr. *Dukhovnyy Sobesednik* = *Spiritual Interlocutor*. 2002;(2):40–48. (In Russ.)
8. Artamonova L.M. Chronicle of the Church of the Annunciation in the village of Kashpirsky Monastery (the last quarter of the 19th – the first quarter of the 20th centuries) as a historical source. *Tsentr i periferiya* = *Center and periphery*. 2018;(2): 12–22. (In Russ.)

9. Gubonin M.E. *Istoriya ierarkhii Russkoy pravoslavnoy tserkvi. Kommentirovannyye spiski ierarkhov po episkopskim kafedram s 862 g. 2-e izd., ispr. i dop. = History of the hierarchy of the Russian Orthodox Church. Annotated lists of hierarchs by episcopal see since 862. The 2nd edition, revised and supplemented.* Moscow: Izd-vo PSTGU, 2019:960. (In Russ.)
10. Podmaritsyn A.G. *Relations between the Russian Orthodox Church and state bodies in Samara region: 1917–1941.* PhD dissertation. Samara, 2005:252. (In Russ.)
11. Radchenko O.I. The fate of the Samara monasteries in the 1st decade of Soviet power. *II Ioannovskie chteniya = The 2nd John's readings.* Samara, 1997:26–28. (In Russ.)
12. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Samarskoy oblasti. F. 130. Op. 1. D. 11 = *Central State Archive of Samara region. Fund 130. Item 1. File 11.* (In Russ.)
13. *Kommuna = Kommuna.* 1922, 4 Feb. (In Russ.)
14. *Kommuna = Kommuna.* 1922, 5 Feb. (In Russ.)
15. *Kommuna = Kommuna.* 1922, 7 Feb. (In Russ.)
16. *Kommuna = Kommuna.* 1922, 14 Feb. (In Russ.)
17. Pokrovskiy N.N., Petrov S.G. (prep.) *Arkhiy Kremlya. Politbyuro i tserkov'. 1922–1925 gg.: v 2 kn. = Archive of the Kremlin. Politburo and Church. 1922–1925: in 2 books.* Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN); Novosibirsk: Sibirskiy khronograf, 1998;bk. 2:647. (In Russ.)
18. Kabytova N.N., Khramkov L.V. (eds.). *Istoriya Samarskogo Povolzh'ya s drevneyshikh vremen do nashikh dney: XX vek (1918–1998) = History of Samara Volga region from ancient times to the present day: the 20th century (1918–1998).* Russian Academy of Sciences; Samara Scientific Center. Moscow: Nauka, 2000:230. (In Russ.)
19. Levitin-Krasnov A., Shavrov V. *Ocherki po istorii russkoy tserkovnoy smuty: v 3 t. = Essays on the history of Russian church turmoil: in 3 volumes.* Moscow: Krutitskoe Patriarshee podvor'e; Kusnacht: Inst. Glaube in der 2. Welt, 1996;1–3:670. (Materials on the history of the Church, bk. 9). (In Russ.)
20. Lavrinov Valeriy, protoierey. *Obnovlennyy raskol v portretakh ego deyateley = Renovationist split in the portraits of its leaders.* Moscow: Obshchestvo lyubiteley tserkovnoy istorii, 2016:736. (In Russ.)
21. *Volzhskaya kommuna = Volzhskaya kommuna.* 1930, 15 Jan. (In Russ.)
22. Podmaritsyn A.G. *Ocherki istorii Samarskoy eparkhii: ucheb. posobie = Essays on the history of the Samara diocese: textbook.* Samara: Kniga, 2008:151. (In Russ.)
23. Chistova V.V. *Zemnoe i nebesnoe: Pravoslavnye svyatyne Samarskoy Luki = Earthly and heavenly: Orthodox shrines of Samara Luka.* Samara, 2005:160. (In Russ.)
24. Shkarovskiy M.V. *Iosifyanstvo: techenie v Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi = Josephism: a trend in the Russian Orthodox Church.* Saint Petersburg: Memorial, 1999:399. (In Russ.)
25. Shkarovskiy M.V., Anashkin D.P. *(Pravoslavnoe tserkovnoe soprotivlenie v SSSR. Biograficheskiy spravochnik 1927–1988 gg. = Orthodox church resistance in the USSR. Biographical guide 1927–1988.* Moscow: ROSSPEN, 2013:287. (In Russ.)
26. *Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii v 1931–1935 gody = Journal of the Moscow Patriarchy in 1931–1935.* Moscow: Izdatel'skiy Sovet Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi, 2001:272. (In Russ.)
27. Damaskin (Orlovskiy), igumen. *Mucheniki, ispovedniki i podvizhniki blagochestiya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi XX stoletiya. Zhizneopisaniya i materialy k nim: v 7 kn. = Martyrs, confessors and ascetics of piety of the Russian Orthodox Church of the 20th century. Biographies and materials for them: in 7 books.* Moscow: Bulat, 2001;bk.5:479. (In Russ.)
28. Manuil (Lemeshevskiy), mitropolit. *Russkie pravoslavnye ierarkhi perioda s 1893 po 1965 gg.: v 6 ch. Ch. 1. Avvakum (Borovkov) – Afanasiy (Sakharov) = Russian Orthodox hierarchs of the period from 1893 to 1965: in 6 parts. Part 1. Avvakum (Borovkov) – Athanasius (Sakharov).* Kuybyshev, 1966:431. (In Russ.)

29. Manuil (Lemeshevskiy), mitropolit. *Russkie pravoslavnye ierarkhi perioda s 1893 po 1965 gg.: v 6 ch. Ch. 5. Nazariy (Andreev) – Rufim (Troitskiy) = Russian Orthodox hierarchs of the period from 1893 to 1965: in 6 parts. Part 5. Nazariy (Andreev) – Rufim (Troitskiy)*. Kuybyshev, 1966:504. (In Russ.)
30. *Volzhskaya kommuna = Volzhskaya kommuna*. 1930, 6 Jan. (In Russ.)
31. Zhogolev A. (comp.). *Novye mucheniki i ispovedniki Samarskogo kraya = New Martyrs and Confessors of the Samara Territory*. Samara, 1996:305. (In Russ.)
32. Radchenko O.I. *Orthodox monasteries of the Samara region in the second half of the 19th–20th centuries*. PhD abstract. Samara, 1997:19. (In Russ.)
33. Samuilova N. Wise simplicity. *Dukhovnyy Sobesednik = Spiritual Interlocutor*. 2004;(3):92–127. (In Russ.)
34. Yakunin V.N. Samara and Novokuibyshev diocese. *Pravoslavnaya entsiklopediya: v 67 t. T. 61. Savatiy – Svedenborg = Orthodox encyclopedia: in 67 volumes. Volume 61. Savatiy – Svendenborg*. Moscow: Pravoslavnaya entsiklopediya, 2021:206–230. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Вадим Николаевич Якунин

доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Московский художественно-
промышленный институт (Россия,
г. Москва, ул. 2-я Бауманская, 9\23,
стр. 3)

E-mail: vadyak@mail.ru

Vadim N. Yakunin

Doctor of historical sciences, professor,
professor of the sub-department of
humanities and social and economic
disciplines, Moscow Art and Industry
Institute (building 3, 9/23
2nd Baumanskaya street,
Moscow, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 09.09.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 21.11.2022

Принята к публикации / Accepted 02.12.2022